

Нацеленность на Целое

Рубрику ведет Лев Аннинский

В тридцать восемь лет она издает (и не без издательских сложностей) свой первый роман. Сложности исчезают, как в сказке. Третий миллиона тиража — у читателей. У автора — двадцать переводов на разные языки мира. Коллекция премий. Репутация лучшей специалистки по многонациональному характеру русской культуры. Объяснить такой триумф особенностями ситуации? Не получится. Тут одно объяснение — природный литературный талант. И автор осознает это: пишет не так, как диктует воображаемая ситуация, а так, как видит и диктует талант.

Вот начало второго романа. Здесь разом охвачены два берега Волги: степи с левого и с правого ее горизонтов. Узоры башкирских одеял. Запахи туркменской пустыни и соленого Каспия. И на весь этот цветной вернисаж понадобилось... угадайте — сколько?.. Восемь с половиной строк! И все работают!

А теперь оглянемся. Нет, не на берега сегодняшней Волги. А на события, происходившие здесь во времена императрицы Екатерины, которая санкционировала переселение германских колонистов на русские берега и встречала их на пристани приветствием:

— Дети мои! Новообретенные сыны и дочери российские! Радужно принимаем вас под надежное крыло наше и обещаем защиту и родительское покровительство! (А своих родителей вспомнила? Именно то, что по национальности она, русская императрица, — германской крови. Но дальше в ее речи — все актуальное.) Взамен же ожидаем послушания и рвения, беспримерного усердного служения новому отечеству. А кто не согласен — пусть нынче же убирается обратно! Гнилые сердцем и слабые руками в российском государстве — без надобности.

Стиль великой русской императрицы.

Сердцами и руками новым россиянам предстоит доказать свою надобность. Императрице же предстоит доказать свою любовь к новоприбывшим. И она избирает для этого простую русскую формулу:

— Дети мои! (что воспринимается, как: я люблю вас!)

Это искреннейшее объяснение в любви вошло в историю. И ныне оно возрождено в заглавии второго романа Гузели Яхиной: «Дети мои».

Потрясающе. И не боится процитировать, опереться. И что уличат в плагиате — не боится.

Потому что верит сейчас, сегодня. В русскую Историю. В русскую судьбу. В русский народ.

Вся композиция нового романа Яхиной — такое объяснение.

О первой главе, в которой описывается, как учитель немецкого языка, любвеобильный колонист-немец, переспавший со счастливыми от такого контакта коллегами, потом сделал одну из них («вы добрая девушка, Клара...» постоянной спутницей (глава называется «Жена»), — об этой главе чуть позже. А пока о том, как

нежданно-негаданная девушка Клара разродилась доченькой, и новоявленный папаша стал гадать, чье же это дитя. Мужика с калмыцкими скулами? Вояки с наглыми глазками? Блеклого пацана с кадыкастой шеей? Впрочем, гадать было некогда: надо был доставать молоко. Доставали всем поселком, и из цепкой девчушки через несколько лет (уже после смерти матери, Клары) выросла дочь Анче, и глянуло на отца почти незнакомое лицо: за двенадцать проведенных на хуторе лет черты сделались жестче и суше, глаза — темнее и строже, крупные морщины легли вдоль щек и поперек лба... Эта глава романа называется «Дочь».

Дочь Баха и Клары. Сначала противозаконная, потом признанная общиной. Потом — на всю жизнь. И без всякой возни перед священником.

А сколько биографически выверенных эпизодов собрано в главе «Дети», безукоризненно финализирующей роман... Безукоризненность связана с тем, что финальное целое предчувствуется во всех начальных главах, нацеленных на Целое. Это Целое — страна.

Страна — Украина. Даже располосованная в войнах. В ней единство сохраняется на уровне изначальной, базисной ценности — сквозь межгосударственные и даже межнациональные границы...

Как? И межнациональные тоже?

Все остальное — «тоже». А это — изначальное и непреходящее.

«Высокий киргиз в меховой тужурке без рукавов на голое тело и треугольной войлочной шапке, из-под которой настороженно глядели узкие, подпернутые к вискам глаза... неотрывно глядели на Баха...»

«Плоское монгольское лицо» и глаза, неотрывно глядящие «немигающие глаза»...

Если вы не ощутили, откуда эта тревога, объясню: «Баху отчего-то вспомнилось, как мать пугала в детстве: “А вот киргиз придет — заберет!”»

Вот когда и смысл киргизской песенки открывается: детские страхи! И шрам на восточном лице, и рваная одежда — это живописные краски, которым, мы помним, Бах-художник привержен, сводя впечатления воедино... Киргизы ли, монголы перекликаются в его воображении — это краски и оттенки, а не гражданские элементы...

Что же до гражданских прав и счетов, то кто кому успел в раннем детстве дать по морде — как вышло, так и вышло. Немец ты или русский — неважно. Как императрица вела, так и легло: вовсе не как иммигранты немцы чувствуют себя в России. А как гости щедрой хозяйки. Никакого германства! И так вынашивается в душе не агрессивная воинственность вчерашних соседей, делящих куски, а уж скорее — доли участников праздника.

И национальная своеобычность окружена не оборонными тумками, как в драке, а знаками общения.

Замечательное качество, с которым выходцы из Германии нашли свое место в России: национальное сознание — это знак единства. И ни намек на счеты.

Люди знают, чем все это обернулось век спустя. Мировая война! А потом и Сталин с Гитлером: смертельная, полная крови... Великая Отечественная. Немец — враг: захватчик, палач, убийца.

После Сталинграда агрессор звереет. И геополитические планы гитлеровцев реализуются: цыган и евреев уничтожить поголовно (не надеялись поработить), непокорных славян сначала заставить поработать, а потом помочь подохнуть (газвагены, рвы лагерей — наши отцы узнали, что это такое). Мы не позволили: взяли Берлин штурмом. Скольких жизней это нам стоило — молчу. Подсчитано, но так и не утверждено официально. Боль не проходит.

Где оказались немцы в ходе и в результате войны — тоже вопрос открытый.

Сначала так: идут мирно недели и месяцы.

«В мае, когда вернувшиеся с пахоты гнадельтанцы (односельчане. — Л.А.) засаживали бахчи дынями, арбузами и тыквами, а огороды у дома картофелем, Бах с Кларой читали Гете.

В июне, когда стригли овец и косили сено (торопясь, пока не выжгло траву палящее степное солнце), перешли к Шиллеру.

В июле, когда убирали рожь (по ночам, чтобы на яростной дневной жаре из колосьев не выпали семена) и кололи молодых барашков, чья шерсть мягче ковыльного пуха, а мясо нежнее ягодной мякоти, закончили Шиллера и перешли к Новалису.

В августе, когда наполняли амбары обмолоченной пшеницей и овсом, и потом всей колонией варили арбузный мед (пить его будут круглый год)... обратились в Лессингу.

В сентябре, когда собрали картофель, репу и брюкву... опять вернулись к Гете...»

Прелесть этой программы в том, что в ней больше от русской огородной практики, чем от немецкой грамматики. Но ведь прелесть!

Прелесть эта отступила, когда в небе, привычно расчерченном родными авиарейсами, к которым уже привыкли, повисли заграничные самолеты.

И в отечественной практике стали зиять убытки и несчастья. Которым Ян, явно рассчитывая на остроумие привычных историков, присваивал имена в их стиле («Год Разоренных Домов», «Год голодных» и т. п.).

Бах с Кларой наблюдают такие картины с местного обрыва. Мало ли кто там с кем воюет! То Галиция в мобилизационных отчетах, то Польша... И вдруг обдаёт душу: так это Россия воюет! И не с кем-то фольклорно-выдуманным, а с Германией! Поразительно, что это уже не та Германия, которую объединяла в своих пригласительных речах позвавшая германцев на Волгу русская государыня. И государыни той уже нет ни в живой реальности, ни в идейной памяти. Все, что она породила и чему мечтала помочь, выброшено вон революцией!

Прошлое летит в небытие. Небытие становится реальностью.

Прибыл знакомый функционер. Из Москвы! Начали очередную социалистическую перестройку. К светлому будущему (другого знать не хотели, отвергнутые варианты валялись в исторических мусорниках). А новые... впрочем, я процитирую.

«О ком плакал Бах... он не мог бы сказать. О чуде ли Гофмане или о погибших детях — тоже не мог бы сказать. Возможно, плакал обо всех односельчанах... О тех, кто покинул колонию. О тех, кто остался. Об оскудевшей земле. О сгоревших карагачах. О счастливом Годе Небывалого Урожая, канувшем в Волгу безвозвратно. Как и последний ученик Баха...»

Ну, и что скажете?

Сидит группа хорошо знакомых людей и обсуждает хорошо знакомые проблемы во всех тонкостях хорошо знакомого материала.

И вдруг откуда-то врывается что-то совершенно немыслимое. Что-то всем ведомое и совершенно неведомое. Повисает. Грубое и неотменимое.

Что-то из материалов неназываемых и торчащих у всех в сознании. Которые и обсуждать незачем, и так все ясно. Ясно, что необсуждаемо. Грубость и изыск разом. Знают. И молчат.

Что знают? Что все зависит от буквы. А букву лучше не трогать. Что самоосознание нации зависит от того, оградит ли она свою *мову* от все сметающей русской речи. Я этих людей понимаю. Но понимаю и языковой монолит, всепоглощающий — поглощающий тут все.

Ну, и как быть? Трогать больное, доходя до отчаяния? Не трогать, доходя до отчаяния?

Так ответьте же, поможет ли очередное преобразование нации не развалиться.

Как бишь ее теперь? *Немецкая социалистическая республика*. Да тут каждое слово бывает оспорено. Что-то захватанное не римлянами, так марксистами. И зваться чьим-то довеском — не хотим! Хотим быть центром, а не чьей-то там окраиной!

Что в конце концов реализуется из этой круговерти? Что ожидает немцев? И какой ценой?

История продолжает двигаться. Куда? Доживем — увидим. Если доживем.

Summary

Poetry

We present restrained monologues and urban St. Petersburg style poetry by Ekaterina POLYANSKAYA, postmodernist sketches by the well-known Estonian poet Doris KAREVA translated into Russian by Natalia ELIZAROVA. The verses by Grigorij STARIKOVSKIY with their “Delicate dash air shot through by a casual bird” make a fusion of nostalgia and genuine irony.

Victor CHIGHIR. The Thirst Quenched. A novel

Late XVIII century. An alpine gorge in the heart of the Caucasus. There, in the Ossetian land, the perennial feud of two clans, the Tmainovs and the Tserebovs, begins and comes to the end. Which of these two is going to triumph in the novel by the young author Victor Chighir from Vladikavkaz is unpredictable for the mutual hatred is equally overwhelming.

An Orphan Soul Dreaming of Love

Vika CHEMBARTSEVA. When the Cypress Trees Begin to Rustle

This short story focuses on the girl named Asya, who is deprived of her home and finds herself in an alien and hostile world. Enduring her hard losses and conceiving the matters of her existence any adult reader will remember his or her childhood's doubts and feelings.

Alexander MELIKHOV. Love and Blood

“The urge for one's self-justification leads to the social irresponsibility”. The essay by Alexander Melikhov is a speculation on the phenomenon of the Narodnik terrorism with some new facets of the well-known issue revealed.

Evolution of Fish to Human

A new dialogue in letters from the cycle by the writer Gennadiy PRASHKEVICH and the physicist Alexey BUROV on some eternal questions.

2018: Literary Review

Contemplations by Evgeniy ABDULLAEV, Maria ANUFRIEVA, Olga BALLA, Olga BREININGER, Olga BUGOSLAVSKAYA, Ilya DANISHEVSKIY and Elena IVANITSKAYA.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«**Фаланстер**» (Малый Гнезниковский пер., 12/27)

«**Русский путь**» (Нижняя Радищевская ул., 2. (Дом русского зарубежья)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин **Лабиринт.ру**
в любом городе страны

Верстка: Елена ЖИРНОВА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»